

УДК 138.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Родионов Алексей Владимирович, старший преподаватель кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: aleksey.rodionov.77@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-философского и социокультурного подходов к российской ментальности, а также выявлению ее специфических особенностей. Подчеркивается, что ментальность

как социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. В этих рамках в рамках рассматривается коллективизм как базовая черта российского менталитета, удовлетворяющий необходимость обустройства территории и защиты ее границ, а также потребность ужиться с другими этносами, их идеями и системами ценностей.

Ключевые слова: менталитет, идентичность, коллективизм, национальный характер, стереотип, мультикультурность.

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN MENTALITY

Zolotuhin Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

Rodionov Alexey Vladimirovich, Senior Lecturer of Chair of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aleksey.rodionov.77@mail.ru

The concept of “mentality” is diverse and wide range of definiteness of its borders. As a social phenomenon, social and cultural phenomenon and a factor of political behavior, it determines the quality and condition of the social environment. For today’s Russia, it is in the transformation of the traditional society into a modern, increasing ideological and political, cultural and ideological factors of social identification, so the group mentality compensates underdeveloped political and economic circumstances of self-organizing communities. Significant place in the development of modern cultural and anthropological type of man as an economic entity devoted to the problems associated with the consumption of symbolic, social and cultural capital, subsistence production, domestic work, informal sector of the economy.

Within political philosophy, a pressing issue of interpersonal relations is developing between individuals in small communities. With these related process of overcoming the alienation from the institutions of public power through development of various forms of participation and / or non-participation of citizens in addressing socio-economic issues (“society participation”), mutual aid (“nothing is given for nothing”). The understanding, that under no confidence to authorities (political or moral) that restrict the freedom of choice of social groups (more than that a minority) a growing sense of cohesion and those things which are derived from cohesion, amplifies this point: mutual recognition and a sense of belonging to a group. Their absence creates “the identity crisis.” Through language (everyday, literary, symbolic), the border manifests national mentality, having a stable system of normatively identical linguistic forms. The confirmation of this provision, we can find in various social (imaginative, journalistic and scientific literature) and socio-cultural groups, but especially bright this is reflected in the national character: in Russian, Japanese, European, etc.

The activity aspect of mentality tends to the problems of image and quality of life, social communication. The aspect of activity outside their mentality inevitably turns to the assumptions, judgmental, random parameters and indicators. One’s own mental manifestation unlike its external economic, social and political motivation is the fact that moral behavior, individual value conditionality of the conduct. The basis of behavior is usually in mental factors. A particular situation occurs addictive (adaptation). This addictive is accompanied by protracted social expectations or deferred needs, which are reproduced in mentality. This is especially true of behavior in groups in which people pull out firm participate and somehow harmonize the actions of each other in the presence of existing diversity of views on the world and its sociopolitical belonging. The resolution of these aspects can contribute to the theory of “biological evolution” (Lubischev A. A.) or the principle of sympathy (S. V. Meyen).

Keywords: mentality, identity, collectivism, national character, stereotype, multiculturalism.

При исследовании понятия «ментальность» необходимо обратить внимание как на его многоплановость, так и довольно широкую размытость границ его определенности как исключительного социального феномена. При общей трактовке понятия «менталитет» очевидным является акцент на его психологических основаниях. Менталитет проявляется через иерархическую систему ценностей (взглядов, оценок, норм, умонастроений), а также «характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, социальные установки» [7, с. 12].

Ментальность как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. Для современной российской действительности характерна сравнительная самостоятельность общественной психологии и мировоззренческих установок в мотивации и модификации активности населения. В условиях глобального социально-политического кризиса возрастают идейно-политические и культурно-мировоззренческие факторы социальной идентификации. Групповая ментальность компенсирует неразвитость политико-экономических обстоятельств самоорганизации общностей.

Рассматривая ментальность как духовно-психологический фундамент жизнедеятельности личности, включающий в себя информационный багаж, ценностные ориентации и психофизиологические реакции организма, возникает необходимость создания системы кодировки, способствующей формированию и транслированию определенной картины мира. Происходящая в постсоветский период трансформация традиционного общества в современное, сопровождается процессом уничтожения традиционной общности, а именно присущей ей иррациональности. Наблюдается стремление людей к противоречащим друг другу ценностям (Ф. Фукуяма), реализации человеком потребности в неформальном единстве мира. В рамках политической ментальности и идентичности формируется своего рода замкнутый круг и логический тупик, который играет в общественном поведении населения не меньшую роль, чем реальная социально-экономическая и политическая ситуация.

Особенностью современного экономико-антропологического опыта является не просто участие человеческого индивида в хозяйственной жизни локального социума, но и непосредственная включенность его в мирохозяйственные и иные (политические, конфессиональные, научные и др.) социокультурные связи. Существенное место в становлении современного культурно-антропологического типа человека как экономического субъекта занимают проблемы, связанные с символическим потреблением, социальным и культурным капиталом, нетоварным производством, домашней работой, неофициальным сектором экономики.

Одним из путей достижения этого может быть концепция коммунитаризма Дж. Макмарея (см. [12]). По его мнению, политическая философия в своих построениях должна придавать решающее значение не личности и не обществу, а межличностным отношениям, складывающимся между индивидами в небольших сообществах. При этом, как отмечает Р. Саква, «традиционные коллективные ценности уступили место ценностям, согласно которым люди объединяются друг с другом для отстаивания своих собственных интересов. Традиционная общественная солидарность уступила дорогу новым формам этического индивидуализма» [12, с. 15]. Основной целью коммунитаризма является преодоление отчуждения населения от институтов власти посредством развития различных форм участия и/или неучастия граждан в решении социально-экономических вопросов («общество соучастия»), взаимной помощи («ничто не дается даром»). Усиливается этот момент пониманием того, что в условиях недоверия к любого рода авторитетам (политическим или моральным), которые ограничивают свободу выбора социальных групп (более того – меньшинства), нарастает чувство сплоченности и тех хороших вещей, которые вытекают из сплоченности: взаимное признание и чувство принадлежности к группе. Их отсутствие порождает «кризис идентичности» [2].

Механизм взаимопомощи непрерывно и постепенно развивается во всех элементах социальной деятельности, несмотря на значительное количество противодействующих ему влияний. Как отмечал П. А. Кропоткин, взаимопомощь лежит в основе всех наших этических понятий

(см. [5]). Например, новые религии, рождающиеся от времени до времени – всегда в эпохи, когда принцип взаимопомощи приходил в упадок, находили своих первых последователей среди смиренных, низших, попираемых слоев общества, где принцип взаимной помощи был необходимым основанием повседневной жизни; и новые формы единения, которые были введены в древнейших буддистских и христианских общинах, в общинах моравских братьев и т. д. принимали характер возврата к лучшим видам взаимной помощи, практиковавшимся в древнем родовом периоде. Базовым основанием для этого является то, что «ядро учреждений, обычаев и навыков взаимной помощи продолжает существовать среди этих миллионов людей; оно объединяет их; и люди предпочитают держаться за эти свои обычаи, верования и предания, чем принять учение о войне каждого против всех» [5, с. 22].

Как средство общения и взаимодействия с «другим» язык (повседневный, литературный, символический) имеет широкий спектр, границы которого определяются характером взаимодействия (от применения различных методов насилия и давления до достижения компромисса). Основание этого – понимание языка как готовой вещи, передаваемой от одного поколения к другому (В. Н. Волошинов). Как следствие – проявление национальной ментальности, имеющей устойчивую систему нормативно тождественных языковых форм, преднаходимой индивидуальным сознанием и через него транслируемой. Подтверждение данному положению мы можем найти в различных социальных (художественная, публицистическая и научная литература) и социокультурных группах, но особенно ярко это находит отражение в национальных характерах.

Обращает на себя внимание тот факт, что отражая уровень индивидуального и коллективного сознания, менталитет складывается на протяжении длительного периода времени, по крайней мере, нескольких десятков лет и медленно поддается изменению. Как явление он имеет два аспекта своего существования в российском обществе: динамический и статический. С точки зрения статического аспекта, ментальность выступает как консервативный противовес любому значительному социально-политическому изменению. Динамический аспект связан со струк-

турными особенностями российской ментальности, а именно преимущественным развитием духовного измерения менталитета, в то время как у народов Западной Европы, Японии и Северной Америки приоритетным является развитие социального измерения.

Как отмечают Вс. Овчинников и В. Цветов, носителей японской культуры отличает «терпеливость и самоконтроль», а также преувеличенное сознание роли социальных связей и общественных обязанностей и «знание своего места в сложной социальной системе» [10; 11]. Особо подчеркивается приверженность японцев традициям, откуда следует «нелюбовь к отрицанию без необходимости», «недостаточность творческого мышления и оригинальности», любовь к порядку, склонность к завершенности в мелочах и простоте, «преданность семейным устоям», уважение к религии предков, родителей, властям, повышенное внимание к чести имени и чести семьи [10; 11]. Но в то же время для японцев характерны: «чувствительность», «сентиментальность», «мягкость», «терпимость», «чувствительность к мнению других народов» [10; 11].

Русскому национальному типу, по мнению А. И. Сикорского и К. Касьяновой [3; 4], присущи следующие качества: идеализм воззрений и жизни – особая печать этнического культурного бескорыстия; общеизвестная грусть и задушевность, придающая медленный темп, глубину и основательность всем душевным движениям, начиная от мысли и кончая действием; вера как психологическая черта и свойство, обеспечивающее уверенность, устойчивость и прочность надеждам, ожиданиям, самому идеализму; гостеприимство и терпимость; одаренность, энергичность – русские приоритеты в гуманитарной сфере.

Развитие этой идеи в понимании «русского коллективизма». Коллективизм как базовая черта российского менталитета включает также и способность легко ужиться с другими этносами, их идеями и системами ценностей (эту способность Ф. М. Достоевский назвал «всечеловечностью»). Такая черта была выработана в процессе освоения огромных просторов. Для обустройства этой земли и защиты ее границ нельзя было обойтись без сотрудничества со всеми живущими на данной территории народами и народностями, без привлечения их на свою сторону, на защиту

созданного русскими государства. Следует отметить, что российский коллективизм проявляется также и в отношении к другим поколениям, в понимании народа как единства живших ранее, живущих ныне и будущих поколений.

Это положение усиливается феноменом «национального характера», присущего всем членам данной нации, и только им; определяемого как «модальная личность», то есть как относительно часто проявляющийся определенный тип личности среди взрослых членов какой-либо нации; как «основная структура личности», то есть как определенный образец личности, доминирующий в культуре нации; как система позиций, ценностей и убеждений; как разделяемых значительной частью нации; как результат анализа психологических аспектов культуры, рассматриваемых в определенном, особом смысле. Также национальный характер рассматривается как интеллект, выраженный в продуктах культуры, то есть в литературе, философии, искусстве и т. п. [15, с. 12–28]. Определенное значение имеет самосознание субъекта как единичного, так и общего (коллектив, нация и т. д.), которое должно быть «каким-то образом связано с содержанием» [14, с. 198], в данном случае – с содержанием национального характера.

В современной России сохраняют свое влияние мощные социально-психологические стереотипы «усреднения» собственного положения. К ним относятся такие, как «быть как все», «не высываться», «прятать от постороннего глаза как чрезмерное богатство, так и чрезмерную бедность» и др. На этом основании, как подчеркивает Ю. А. Левада, толерантность является мощным гасителем экстремальных амплитуд политических колебаний, не позволяющим социальной системе пойти «вразнос» [6, с. 44]. Ее социальное содержание определяется как «активная реакция на изменения и кризисный стиль общения» [9, с. 29]. Именно поэтому позиция «трудно, но можно терпеть» никак не должна отождествляться просто с традиционным русским «безответным» терпением: в значительной мере она связана с ожиданием «ответа», то есть определенного результата, эффекта, личного или социального. Представляется, что русское терпение далеко не всегда было «безответным», скорее речь может идти о некоем «пунктире» безответственности,

прерываемом взрывами недовольства и актами отчаяния. Эмоции и расчет, угроза и польза – разные стороны современного российского протеста. Потенциал данного протеста постепенно может приобрести организационные рамки в зависимости от действий или бездействия (морального и/или правового) политической элиты. Одной из причин этого является нерешенная нашими предшественниками проблема организации жизни многонациональной страны. Пока населяющие ее народы удерживаются вместе лишь за счет усилий по «унитаризации», построению «властной вертикали». Конфликты на Кавказе, в других республиках Российской Федерации вытекают в значительной степени столкновением местных традиций с силовым напором государственного интереса. Объединяющей «ценностью» мультикультурного сообщества продолжает оставаться власть.

У власти есть возможность провозгласить этот поворот решительно и быстро. Больше того – люди поймут её, потому что в повседневной жизни они не забыли окончательно, что такое выполнение долга, поступок человека чести, незапятнанная репутация. «У нас в клинике коллектив большой, но за всё время ушли в коммерческую медицину всего несколько человек. Остальные остались, работают. Да, за нищенскую зарплату, но с огромной отдачей!» – рассказывал знаменитый доктор Рошаль ещё задолго до трагедий, из-за которых мы узнали о нём. И примеров тому очень и очень много.

Отсутствие вовлеченности и сопричастности других граждан в «общем деле» влечет за собой недостаток, а порой и отсутствие, патриотизма, гражданственности, то есть отождествления себя с другими в совместных предприятиях и, соответственно, способности резко реагировать на грубые нарушения своей свободы государством или иным субъектом. Не имея возможности влиять на условия своего бытия, индивид лишается того, что в международных документах называется «источником прав человека», – человеческого и гражданского достоинства, то есть лишается права на толерантность как по отношению к себе, так и относительно себя к Другим. Лишение данного права вытекает из не востребованности быть толерантным по отношению к Другим, ибо они, в лучшем случае, к этому нейтральны.

Деятельностный аспект ментальности тяготеет к проблемам образа и качества жизни, социальной коммуникации. Вне своего деятельностного аспекта ментальность неизбежно превращается в область предположений, субъективных оценок, случайных параметров и показателей. Проявлением собственно ментальности в отличие от внешней экономической, социальной и политической мотивации поведения является факт нравственной, индивидуально-ценностной обусловленности данного поведения. В основе поведения лежат обычно ментальные факторы. К конкретной ситуации происходит привыкание (адаптация). Это привыкание сопровождается затянувшимися социальными ожиданиями или отложенными потребностями, которые воспроизводятся в ментальности.

Показательным примером является то, как на глазах у всех деятель, за четверть века руководства российским футболом приведший его к позору и ничтожеству, безмятежно заявляет, что уйдёт со своего поста, только если его президент страны об этом попросит... Может быть, уйдёт... Или ещё поруководит... Все же только руками в ответ всплескивают: ах, он возглавляет общественную организацию, по закону с ним ничего сделать нельзя! Потому как в этой организации от него «все» зависят и «все» упомянутым деятелем прикомандованы!

А «общественный деятель», куражась, травливает на наш футбол международные организации, которые в силу своих ведомственных интересов выступают с угрозами: запретим, отлучим, закроем, если его тронете! И наш деятель во всём этом шуме и гаме прекрасно себя чувствует, никаких неудобств лично для себя впереди не предвидит. Только капризничает всё больше.

В рамках политической ментальности и идентичности формируется своего рода замкнутый круг и логический тупик. Тупик, из которого правового выхода нет. Только ждать, когда «герой» сам соизволит... И сколько раз мы слышали это издевательски-лживое: пусть президент только мне прикажет! Пусть сам меня попросит!.. От проворовавшихся губернаторов, уютно чувствующих себя даже под следствием, от незадачливых адмиралов, которые способны только топить подлодки и разваливать флоты, от генералов, торгующих армейским имуществом и бро-

сающих под пули боевиков солдат, от бездарных министров, хладнокровно констатирующих наше отставание уже чуть ли не от всех постсоветских государств...

Следует обратить внимание на проблему практического решения вопросов поведения человека. Особенно это касается поведения в коллективах, в которых люди вынуждены участвовать и как-то согласовывать действия друг друга при наличии существующего многообразия взглядов на мир и своей общественно-политической принадлежности. В разрешение этих аспектов внес свой вклад А. А. Любищев теорией «биологической эволюции». Он заставил задуматься над необходимостью учета различных теоретических концепций, актуализировав вопрос о приемлемости в общественном сознании права на инакомыслие. Речь идет о механизме или основании обучения, при котором инакомыслие не причислялось бы к разряду «ненужного», а его носители – к людям второго сорта.

Данная позиция получила развитие в работах С. В. Мейена, выдвинувшего новый этический принцип – принцип сочувствия. Суть его состоит в следующем: взаимодействие между людьми требует не только понять четкие основания позиций у человека, но и разделить его чувства – встать на позицию сочувствия. Как отмечает С. В. Мейен, «надо мысленно стать на место оппонента и изнутри с его помощью рассмотреть здание, которое он построил» [7, с. 47]. Принцип сочувствия требует пристального внимания к исходным позициям оппонента. Пространство между различными точками зрения и мировоззренческими позициями является условием для проявления свободы мысли и нравственного выбора. Данный принцип (принцип сочувствия) тесно связан с традиционным принципом общечеловеческой морали: «не делай Другому то, чего ты не хотел бы для себя». Сочувствие начинается с проявления **интереса** к Другим (Другому), а также с любопытства к **инакомыслию**. Инакомыслие всегда заслуживает интереса, а не брезгливого презрения, свойственного еще стоикам. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на любви к людям. На первое место выдвигается «любовь к своей среде обитания, дающая ощущение ценности бытия» (Ю. А. Шрейдер) [13, с. 137].

В языке проявляет себя психологическая восприимчивость Другого и/или Иного. Это может быть: проявление симпатии к тебе (когда отношение не декларируется глаза в глаза, а осуществляется попутно с чем-то, то степень доверия куда больше), интонация, с которой произносятся те или иные слова (руководитель призывает подчиненных быть честными и тут же совершает бесчестный поступок). Тем самым еще раз подтверждается мысль, что никакие нормы и правила не могут быть взяты в готовом виде – они должны быть проверены, пропущены человеком через себя, через свой конструктивный опыт. Поиск компромиссных решений включает в себя и

осознание допустимости нравственного несовершенства человека. При этом должно выполняться условие лояльности гражданина перед государством: «государство держится не принуждением и не страхом, а свободно лояльностью своих граждан: их верностью долгу, ... гражданским мужеством, инициативной храбростью и дисциплиной» [1, с. 183]. Преодоление несовершенства человека происходит посредством любви, а не на основе одного нравственного долга. Как раз это та грань между признанием несправедливости, допускаемой ради справедливости, и безнравственными попытками приписать своим действиям праведность.

Литература

1. Ильин И. А. О свободной лояльности // Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. – М.: МП Рарог, 1992. – Т. 1. – 539 с.
2. Ионин Л. Восстание меньшинств. – М., СПб.: Университет. кн., 2013. – 240 с.
3. Касьянова К. О русском национальном характере. – М. 1994. – 349 с.
4. Из глубины. – М., 1991. – 290 с.
5. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса // Век толерантности: науч.-публицист. вест. – М.: МГУ, 2001. – 316 с.
6. Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000. – М.: Москов. шк. полит. исслед., 2000. – 493 с.
7. Мейен С. В. Принцип сочувствия // Пути в неизвестное. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
8. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. – М., 1997. – 320 с.
9. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
10. Овчинников Вс. Ветка сакуры. – М., 1970.
11. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. – М., 1986.
12. Саква Р. Третий путь новых лейбористов // Независимая газета. – 1988. – 18 июля.
13. Шрейдер Ю. А. Этика. – М.: Текст, 1998. – 271 с.
14. Щенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестн. КемГУ. – 2011. – Вып. 1 (45). – С. 195–200.
15. Duijker H. C., Frijda N. H. National Character and National Stereotypes. – Amsterdam, 1960.

References

1. Ilyin I.A. O svobodnoy loyali'nosti [On the free loyalty]. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov* [Our task. Articles 1948–1954]. Moscow, MP Rarog Publ., 1992, vol. 1 539 p. (In Russ.)
2. Ionin L.A. Vosstanie men'shinstv [Rebellion of minorities]. Moscow, St. Petersburg, University Book Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
3. Kasyanova K. O russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian national character]. Moscow, 1994. 349 p.
4. Iz glubiny [From the depths]. Moscow, 1991. 290 p. (In Russ.)
5. Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' sredi zhiivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa [Mutual assistance in animals and humans as the engine of progress]. *Vek tolerantnosti: Nauchno-publitsisticheskiy vestnik [A Century of tolerance: Scientific and journalistic Gazette]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2001. 316 p. (In Russ.)
6. Levada Y. Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki 1993–2000 [From opinions to the understanding sociological essays 1993–2000], Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 2000. 493 p. (In Russ.)
7. Meyen S.V. Printsip sochuvstviya [The principle of compassion]. *Puti v neznaemoe [Path into the unknown]*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 360 p. (In Russ.)

8. Mental'nost' rossiyan (Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii) [Mentality of Russians (Specificity of large populations' consciousness of Russia)]. Moscow, 1997. 320 p. (In Russ.)
9. Naumova N.F. Retsidiviruyushchaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina, resurs chelovechestva? [Recurrent Modernization in Russia: An evil, guilt, human resource?]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. (In Russ.)
10. Ovchinnikov Vs. Vetka sakury [Sun Sakura]. Moscow, 1970. (In Russ.)
11. Tsvetov V. Pyatnadsatyy kamen'sada Reandzi [Fifteenth stone garden Ryoanji]. Moscow, 1986. (In Russ.)
12. Sakwa R. Tretiy put'novykh leyboristov [Third Way New Labour]. *Nezavisimaya Gazeta*, 1988, 18 June. (In Russ.)
13. Schrader Y. Etika [Ethics]. Moscow, Text Publ., 1998. 271 p. (In Russ.)
14. Shchennikov V.P., Beloglasova O.N. Problema samosoznaniya v istorii filosofii [The problem of self-actualization in the history of philosophy]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, iss. 1 (45), pp. 195–200. (In Russ.)
15. Duijker H.C., Frijda N.H. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960.